

В.И. СИЛИН

ПИСЬМО ИЗ 1959 ГОДА (МАТЕРИАЛ К ЖИЗНИ А.В. ЖУРАВСКОГО)

Институт языка, литературы и истории
ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
г. Сыктывкар
silinv@rambler.ru

Аннотация

В архиве Коми отделения Русского географического общества сохранилось письмо участника экспедиции 1907 г. под руководством А.В. Журавского М.А. Мжачиха. Автор письма описывает ход экспедиции, главные достижения и указывает причины быстрого окончания поездки на р. Колву.

Ключевые слова:

А.В. Журавский, М.А. Мжачих, р. Колва, Большеземельская тундра, археология, освоение Севера

Abstract

A letter from M.A. Mzhachikh, a participant of the 1907 expedition led by A.V. Zhuravsky, has been preserved in the archive of the Komi Branch of the Russian Geographical Society. The author of the letter describes the progress of the expedition, the main achievements and indicates the reasons for the quick end of the trip to the Kolva river.

Keywords:

A.V. Zhuravsky, M.A. Mzhachikh, Kolva river, Bolshezemelskaya tundra, archeology, development of the North

V.I. SILIN

A LETTER FROM 1959 (MATERIAL ON THE LIFE OF A.V. ZHURAVSKY)

Institute of language, Literature and History,
Federal Research Centre Komi Science Centre,
Ural Branch, RAS,
Syktyvkar

В архиве Коми отделения Русского географического общества сохранилось письмо М.А. Мжачиха – участника экспедиции в Большеземельскую тундру в 1907 г., известного ученого, основателя первой научной структуры на Европейском Северо-Востоке (Печорская естественно-историческая станция) Андрея Владимировича Журавского (22 сентября 1882 – 15 августа 1914).

М.А. Мжачих прислал в 1959 г. в Географическое общество (г. Ленинград) письмо «Мои воспоминания...». Это письмо было переадресовано на имя Председателя Коми Филиала ГО Союза СССР В.А. Витязевой с просьбой сообщить о решении вопроса.

*ПРЕДСЕДАТЕЛЮ КОМИ ФИЛИАЛА
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СОЮЗА ССР
к-ту г.н. В.А. Витязевой
Глубокоуважаемая
Валентина Александровна !*

Направляем письмо тов. М.А. Мжачиха «Мои воспоминания о замечательном рус-ском ученом Андрее Владимировиче Журавском» на рассмотрение Совета филиала.

Ваше решение просим сообщить в Общество и тов. Мжачиху.

Ученый секретарь Общества /Е.Е. Воронов/

Рассматривалось ли письмо, был ли на него ответ, не известно, может быть, оно было переправлено куда-нибудь еще.

Несомненно, что письмо представляет исторический документ, который будет способствовать формированию более четкой картины жизни и деятельности великого исследователя Севера.

М.А. Мжачих участвовал в экспедиции А.В. Журавского на р. Колву в 1907 г. Андрей Владимирович результаты этой экспедиции доложил на заседании Отдела Математической и Физической географии Русского географического общества 2 декабря 1908 г. А.В. Журавский оставил комплексное географическое описание территории, но сам выделил важнейшие результаты: «... перейду к главному, по значению, открытию 1907 года, а именно к открытию двух становищ “до-исторического” человека, или вернее, – человека с доисторической индустрией, так как надо полагать каменный век на нашем крайнем севере завершился в эпоху, когда Европа уже имела свою определенную историю и далекую от кремневого ножа цивилизацию».

Дело в том, что в эпоху неолитической индустрии, к которой относятся останки орудий, открытые мною в центре Большеземельской Тундры, на ряду с кремнем видную роль, вне сомнения, играла и **кость** (выделено А.В. Журавским – В.С.), как материал для орудий, и мы, действительно, находим в бассейне Печоры своего рода “тамагавки” из костей мамонта, имеющих форму “молотков”.

Я, лично, склонен считать реальной переходную эпоху, когда преобладающим материалом в индустрии служила кость (“век костяной индустрии”).

Сам А.В. Журавский был удивлен тем, что один из первых исследователей Большеземельской тундры А. Шренк не заметил и не отразил в своей книге археологических находок. «Шренк, бывший здесь 75 лет назад, очень подробно описал область Сандивэя; но какими судьбами он не заметил массы кремневых орудий и черепков первобытной посуды, всюду торчащих здесь из песка, – этого я не могу постигнуть». Было найдено два археологических памятника – ярэя, как

называет их А.В. Журавский. Первый памятник был назван в честь А. Шренка: «Второй ярэй расположен на 130 верст выше по Колве в 448 верстах от устья Колвы, при ручье, названном нами “Мой-Шор” что значит “Бобровый ручей”»: здесь мой сотрудник М.А. Мжачих нашел поразительно хорошо сохранившийся (имея в виду песчаный грунт) череп европейского бобра».

В следующем году А.В. Журавский путешествовал по Сыне и оконтурил возвышенность – Адакь - Тальбей, названную по его инициативе кряж Чернышева. Надо отметить, что об археологических находках на Европейском Северо-Востоке многие авторы писали и до А.В. Журавского – это А.И. Антипов (находки на Средней Печоре), А.А. Штукенберг (находки на Севере Тимана), Е.С. Мельников (находки на Вычегде) и др.

Это комментарии к письму сотрудника экспедиции М.А. Мжачиха, полностью приведенному ниже.

- **Мои воспоминания о замечательном русском ученом Андрее Владимировиче Журавском**

Это было в 1907 году, когда я был сослан царским правительством в Архангельскую губернию в г. Мезень. За организацию забастовки на лесопильных заводах, за манифестацию и за призыв к вооруженному восстанию меня отправили в г. Архангельск по «болезни», но вместо лечения я был арестован, посажен в Архангельскую тюрьму, а потом выслан под особый надзор в отдаленную ссылку на Печору, в село Усть-Цильму, где я и имел счастье познакомиться с А.В. Журавским при следующих обстоятельствах:

Организовав коммуну из числа ссыльных, и все мы поместились в нижнем этаже одного

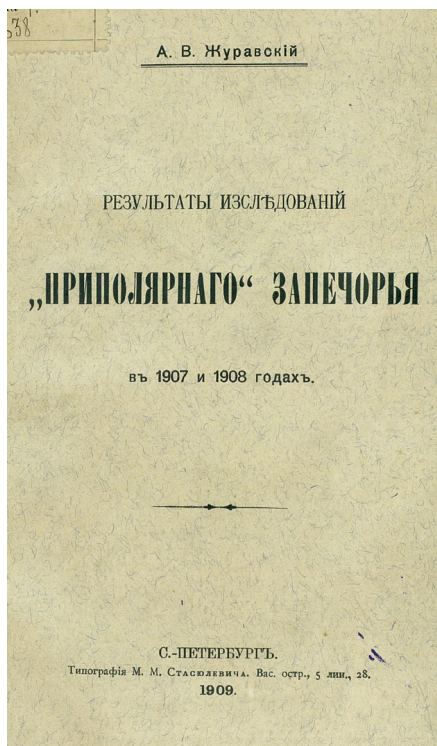

Фото. А.В. Журавский (22.09.1882 – 15.08.1914).
Photo. A.V. Zhuravskiy (22.09.1882 – 15.08.1914).

двухэтажного дома, а на верхнем этаже была квартира Журавского и т.н. Естественно Историческая станция, которой заведовал Андрей Владимирович.

Он был общительным человеком и среди ссыльных пользовался большой популярностью и, как говорят украинцы, «не цурался» их. Сначала мы с ним раскланивались, и при одном подходящем случае и познакомились.

Он интересовался нашей жизнью и коммунальной и я с удовольствием ему об этом рассказывал, что мы живем чисто коммунальной жизнью, все деньги (8 р. 30 к. в месяц на человека) мы отдаем выборному старосте, и он расходует на наши нужды.

Кроме того мы подрабатываем, лудим самовары, среди нас есть портные и сапожники, и поэтому мы материально жили неплохо, и даже помогали «привелегированным» товарищам, которые получали 11 руб. в месяц. На зиму в прок мы заготавливаем морошку, рыбу и т.д.

Тов. Журавский слушал все с большим вниманием и интересовался всеми подробностями.

В один из вечеров он пригласил меня к себе в дом. В его кабинете я увидел, что все стены, шкафы завешены и заполнены засушенными растениями, чучелами животных и птиц и значительное количество стеклянных банок, с спиртованными насекомыми, животными и т.д.

Особенно я обратил внимание на его письменный стол, на котором было много книг и ряд настольных медалей, награждаемых за научные труды и ряд экспедиций.

Он мне тщательно просто и подробно объяснял, и на все мои вопросы (а я был крайне пытливым), я получал исчерпывающие ответы.

Все это меня ошеломило, удивило, т.к. я до этого ничего в науке не понимал, имел низшее образование.

Передо мной открывался совершенно новый мир – мир науки и пути к знанию.

На столе был образчик найденного угля на Печоре, и в банках стояла мутная жидкость, наверху которой радужной окраской был слой найденной нефти.

Андрей Владимирович так увлекался, а я тем более и мы иногда долго засиживались. Он тогда еще пророчил о богатстве этого края и предсказывал о его будущем.

Он был из увлекающихся натур. Он очутился в этом далеком краю, после неполадок с учебкой в Университете, который он принужден был оставить и добровольно поселился в этом захолустье. Его рассказы о богатстве Большеземельской тундры доходили иногда до фантастики. Он планировал постройку целой сети тепловых электростанций, которые работали бы на дешевом топливе, торфе, которым покрыта вся площадь тундры, на глубину до одного метра. Все построенные электростанции дадут такое большое количество электроэнергии, которого хватит на все промышленные объекты и на отопление вечной мерзлоты тундровой почвы, и вся площадь покроется засеянными злаками, овощами, садами и т.д.

Мало этого, он строил свои планы и о изменении климатических условий. Весь Печорский край должен превратиться в цветущий край и источник снабжения всем необходимым всего населения этого края.

Обо всем этом он писал докладные записки Царской Академии, например, отчеты об экспедициях были полны ценных материалов, но царские чиновники и т.н. «ученые» не обращали никакого внимания, и лишь при советской власти, власти рабочих и крестьян Печорский край стал неузнаваемым. Советская власть как видно извлекла из архивов эти ценные документы и дала быстрый ход по использованию всех богатств этого края. За все научные труды и открытия царская власть временами награждала Журавского настольными медалями, но материальной помощи не оказывала, и ему приходилось вкладывать свои средства, которые он получил по наследству от своего умершего отца. Андрей Владимирович был скромным человеком, он не транжирил деньгами и старался, чтоб лишняя копейка была использована на научные цели и для пользы Родины.

Он глубоко верил в будущее и был убежден, что придет время, когда все его труды будут оценены народом.

В 1914 году 4-го октября в самом расцвете сил А.В. Журавского не стало. Подлая рука убийцы прекратила его жизнь и если бы не этот злополучный акт, то Журавский при советской власти смог бы принести в несколько раз больше пользы и многие его мечты осуществились. Еще в 1907 году он проектировал открыть опытную станцию по воспитанию, приучению и разведению диких ценных животных: песцов, лисиц и т.д.

В одно прекрасное время, я от посторонних людей узнал о том, что Журавский снаряжает новую экспедицию в Большеземельскую тундру по реке Колве (приток Печоры). Представьте себе мое положение, как мне захотелось принять участие в этом благородном деле. Сколько жажды знания проявили во мне научные беседы с Журавским и как мне захотелось пробить брешь из темноты к свету, к новой жизни, которая открыла мне новый совершенно путь. Я долго не решался заговорить с ним об этом, но набравшись смелости, я наконец-то спросил его. Я попросил его взять меня в эту экспедицию, хотя бы простым рабочим. Журавский улыбнулся и сказал: «Я, Михаил Алексеевич, думал об этом, но боюсь что организованная вами коммуна, распадется». Я убедил его в противном и нашел хорошего заместителя. Радости моей не было конца. Я представлял себе заранее, сколько я получу за это время знаний и как я полезно использую это время. Несмотря на особый надзор за мной, Журавский добился для меня разрешения через исправника и поручился за мою целостность, подкрепив это собственноручной подписью. Настало жаркое время сборов. Мы упаковывали весь необходимый инвентарь, наняли две больших лодки, в которые были погружены все наши запасы продовольствия и снаряжения, наняли 4 человека рабочих из самоедов и двинулись в путь. Лодки наши передвигались по бурлацкому методу, ее тянули рабочие с берега, накинув через плечо ямки.

Данная экспедиция, организованная Журавским, имела целью полное обследование Большеземельской тундры, изучения флоры и фауны, торфяного покрова почвы, глубины залегания торфа, глубины промерзаний почвы, полезных ископаемых, изучения быта кочевого населения тундры, снятия на карту притока Печоры, реки

Колвы и целый ряд других научных вопросов. Передвижение по реке было иногда трудным, т.е. встречались отмели и пороги, приходилось и нам впрягаться в лямки, а иногда и разгружали лодки.

Няные нами рабочие «самоеды» были очень трудолюбивы, честны, и они пользовались одинаковыми с нами правами. Все было бы хорошо, если бы не один злосчастный случай. Царское правительство и в тундру пустило свои разрушительные и развращенные щупальцы. Царские чиновники спаивали водкой самоедов и глубоко привили этот порок пьянства. За бесценнок, за водку самоеды меняли хорошие дорогие меха и часто совершенно разорялись.

Когда на одной из стоянок наши друзья выгружали из лодки вещи, в двух бидонах был спирт, и они сейчас же потребовали спирта. Несмотря на все наши объяснения, что спирт отравлен и его пить нельзя, самоеды с этим не соглашались и объявили, как говорят, забастовку. Наше положение оказалось безвыходным. Несмотря на целый ряд увещаний и даже угроз, ничего не помогло.

Посоветовавшись между собой, мы решили попробовать спирт, насколько он действительно отравлен, Журавский хлебнул один глоток и, пройдя некоторое время, мы убедились, что наш спирт только закрасен. Подсчитав все потребности в спирте для научных целей, мы нашли возможность отпустить самоедам по небольшой порции.

Все это настолько оказало благоприятное влияние, что мы быстро двигались вглубь тундры.

Река Колва, и ряд многочисленных больших озер, кишмя кишела рыбой. Тысячи диких гусей, уток и др. птиц в следствии линьки не могли летать, и мы были вполне обеспечены мясом и рыбой. На одной из стоянок под утро к нашей палатке подошел голодный и истощенный песец, которого мы без труда поймали. Он был так истощен, что не оказал никакого сопротивления. Этот ценный зверек, как видно, от голода вырождался и не мог существовать и размножаться.

На каждой стоянке мы с Журавским снаряженные сачками, банками, обследовали данную местность. На каждой стоянке мы рыли глубокие ямы, с целью распознавания глубины залегания верхнего покрова торфа, и глубины промерзания почвы. На одной из стоянок, после всех проведенных научных работ, я пошел пройти на одну из песчаных лужаек и вдруг увидел какую-то торчащую кость. Когда я тщательно разрыл, то это оказался череп какого-то животного. Не придавая никакого значения, я взял этот череп с собой и показал его Журавскому. Рассматривая этот череп, Журавский менялся в лице и вдруг закричал на всю тундру: «Это ценная находка, наша экспедиция оправдалась» и т.д. Оказалось, что это череп европейского бобра, и что эта находка имеет очень ценный материал для науки. В настоящее время этот череп хранится в зоологическом музее г. Ленинграда.

Не все благополучно обошлось в нашей экспедиции. У разведенного костра мы должны были обедать, подходя к костру, я бросил заряженную берданку, курок ударился о камень, произошел выстрел, и весь заряд из гусиной

дробин попал в руку одного рабочего. Он упал. Поднялась паника, и мы после тщательной перевязки должны были отправить его в Усть-Цильму. Освободив одну лодку и одного рабочего, лодка благополучно дошла до медпункта, где и оказали раненому необходимую помощь. Этот несчастный случай, безусловно, повлиял в плохую сторону на ход нашей экспедиции. Потеряв 2-х рабочих и лодку, мы принуждены были ускорить наше возвращение.

Кроме всех этих неприятностей была еще одна, которая не менее беспокоила нас, это несметная туча комаров.

Представьте себе, когда солнце иногда закрывалось от такой массы. И никакие средства не помогали. Они проникали в невидимые щели, прокусывали своим хоботком одежду и безжалостно пили нашу кровь. Несмотря на то, что мы работали в сетках, мазали руки и лицо гвоздичным маслом, наши руки, лица, были всегда в крови от раздавленных комаров, и все эти места были в волдырях и ранах от расчесывания. Наша еда была наполовину из комаров, когда мы варили кашу, макароны, то белый их цвет превращался в серый. Помню хорошо такую шутку Журавского. «Михаил Алексеевич, чтоб быть хорошим зоологом, надо съесть бутерброд из пауков и тарантулов».

Дикие олени, спасаясь от комаров, погружались целиком в воду и из воды торчали их ветвистые рога и ноздри для дыхания.

В общем целом наша экспедиция закончилась вполне успешно. Мы привезли много собранных растений из тундры и очень много различных насекомых, пресмыкающихся и этнографический материал.

В одном чуме мы приобрели изготовленную из ребра мамонта целую без соединения звеньев цепь, которая была изготовлена самоедом, имея один единственный инструмент – нож.

В то время вероисповедание самоедов было смешанным. Идолопоклонство и христианство, которое было навязано царским правительством, совмещалось. В чумах вы могли встретить икону и рядом Идола, их в одинаковой степени почитали. Если охота прошла удачно, самоеды мазали их маслом, украшали их, но если охота была неудачной, идолов беспощадно били и выбрасывали.

За все время знакомства с Журавским и главное в то время, которое мы с ним провели в экспедиции, я получил исчерпывающие знания по всем отраслям научного знания, и для меня это время было целым университетом. Я распознавал все научные знания с практическим применением этих знаний, и эта закалка осталась у меня на всю жизнь.

Просматривая прошлую литературу, я встретил один из некрологов, в котором писали, что убийство его, будто бы, было причиной его властолюбия. Это явная ложь, и, наверно, это исходит от лица тех людей, которые с завистью и с ненавистью смотрели на полезную, плодотворную, бескорыстную работу великого патриота Родины, который, как отшельник, отдал свою жизнь народу, науке и этим самым увековечил свою память.

Русский народ и Советская власть оценила работу Великого Ученого, и в настоящее время Печерский край, так же процветает как вся

наша страна, идущая по пути к коммунизму. Память о Журавском я глубоко храню, т.к. он первый открыл мне путь из мрака к свету.

М.А. Мжачих. г. Харьков п/о № 23 до востребования.

Я не знаю, увековечена ли память о Журавском в Усть-Цильме, имеется ли какой-либо музей.

Случайно я встретился с дочерью Андрея Владимировича, которая проживает в г. Харькове, и я обнаружил кое-какой материал о его жизни, одну серебряную настольную медаль и, возможно, ряд др. материалов, которые могли

быть полезными для увековечения памяти. Я с удовольствием помог бы собрать имеющиеся материалы или начать организовать музей. Прошу сообщить.

С тов. приветом Мжачих

Публикация подготовлена в рамках реализации государственного задания ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, номер государственной регистрации проекта FUUU-2021-0011.

Статья поступила в редакцию 17.02.2022
The Editorial Office received the paper on 17.02.2022